

18+

Дарья
Холина

ПЯТНАДЦАТЬ ИСТОРИЙ

в тени
привычного

Дарья Холина
Пятнадцать историй.
В тени привычного

<https://litres.ru/73553013>

ISBN 9785006951501

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Вы уверены, что знаете, что происходит вокруг вас?

За фасадом привычного мира скрываются порталы во времени, древние боги, магические существа и необъяснимые явления. Пятнадцать историй, в которых реальность тонка, как бумага, а за ней — совсем другая жизнь.

От северных легенд до космических тайн, от славянских мифов до антиутопических миров — каждый рассказ покажет вам мир с новой стороны.

Изображение для обложки имеет лицензию CC0. Всеобщее достояние. Атрибуция не требуется.

Содержание

Пятнадцать историй	5
Кому скажи — не поверят!	5
Новогодняя загадка	17
Лавка мистера Джонаса	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пятнадцать историй В тени привычного

**Дарья Александровна
Холина**

© Дарья Александровна Холина, 2026

ISBN 978-5-0069-5150-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пятнадцать историй в тени привычного

Кому скажи — не поверят!

За грибами поехали в привычное, много раз хоженое место. Не доезжая до моста, свернули направо, нырнули в отворотку за насыпью. Там машину и бросили, на этом асфальтированном пятачке. Когда-то здесь проводились спортивные сборы, культурные мероприятия, а зимой устраивали лыжную трассу. У реки ещё остались беседки и мангальные зоны, но всё уже было тронут запустением, да и асфальт давно растрескался. Грибов в этом лесу всегда было видимо-невидимо, и на любой вкус, от волнушек с махровыми юбочками до шикарных боровиков. Нарезать корзину маслят и груздей можно было без усилий за час неспешной прогулки. Весь город мотался сюда, а всё равно, приезжай в любой день, и без добычи точно не уйдёшь.

План был такой: гулять изо всех сил, а грибов уж сколько повезёт. На том и порешили. Взяли ведра, ножи, выпустили из багажника собаку. Фукс был добродушный и ласковый пёс, в чьих генах отчётливо угадывались немецкие

овчарки. Однако, несмотря на весь интеллект, всегда прямой хвост и классический чепрачный окрас, до породы Фукс при всём желании не дотягивал. Кто из его родителей согрешил, так и осталось тайной за семью печатями, ибо Фукса подобрали в глубоком щенячестве на улице. Он долго болел и ещё несколько лет шарахался от поднятой руки, громких звуков и автомобилей, посторонних людей... Конечно, всё это осталось позади, он выправился, раздобыл и даже стал на чужих погавкивать, но, правда, всегда по существу. Теперь же он моментально скрылся среди деревьев по своим собачьи важным делам: нюхать землю, шутить белок и мышей, бегать по лужам и так далее. Супруги посмеялись, как всегда, над таким «охранником» и стали решать, куда пойти в этот раз. От асфальтированного пяточка расходилось множество дорожек, прямые тротуары, совсем узкие тропки, и странные, будто прорытые бульдозером, напоминающие пересохшее русло реки широкие просеки. Выбрали ту, что вела огромным кругом к железнодорожному мосту.

Лес оказался щедр, так что к машине пришлось возвращаться уже через пятнадцать минут, пересыпать грибы из полных вёдер в пакеты и взять с собой ещё тару, чтобы не бегать туда-сюда. Через некоторое время супруги всё-таки свернули с тропинки в чащу, ибо совершенно невозможно было пройти мимо восхитительных красноголовиков*, моховиков, иногда росших целыми семьями. И такие они были

крепенькие, такие красивые, и так манили к себе, что жена бросала ведра, требовала подождать и набирала этих лесных даров полные руки, несла с гордостью мужу, посмотри, мол, какое загляденье. Супруг вздыхал, опять, мол, до трёх часов ночи будешь возиться, жалко мне тебя, но сам, конечно, уже предвкушал и полную сковороду жарёхи, и хрустящие маринованные грибочки долгой зимой.

Лес был неровным, когда-то его коснулась война, оставив после себя овражки, ямины и непонятные, похожие на ДО-Ты строения. Конечно, теперь, спустя три четверти века, раны леса заросли, затянулись, оставив после себя только причудливый ландшафт. Иногда на дне этих ямин собиралась стоячая вода, со временем зарастая густым мхом и превращаясь в болото. В одном из таких вот овражков вдруг оказалось что-то чёрное и большое, и супруги замерли в испуге, на долю секунды им померещилось, что они набрали на Хозяина Леса*. Но сразу же им стало понятно, что это просто бампер от машины, невесть как и зачем затащенный в чащу и брошенный. Они, конечно, поругались на людей, засоряющих природу таким свинским образом. Ведь есть же свалки, скупки и разборки, что тоже, конечно, не мечта гринписовца, но вот так вот, прямо в сердце леса пакостить, ведь последнее же дело! Пожалели, что не утащить эту дуру отсюда своими силами, а на машине попросту и не подъедешь, кругом огромные сосны, и до тропинки далеко. Потоптались

ещё немного в расстройстве, но всё же двинулись дальше. Почти сразу же увидели следующий овражек, а в нём и весь остальной автомобиль.

Это было очень и очень странно, ведь приехать сюда своим ходом он не мог никак. Автомобиль был явно не из тех годов, когда эти сосны ещё были маленькими. К тому же здесь, на краю земли, время для растений течёт иначе. Если в других широтах сосна вырастет до трёх метров лет за десять, то за полярным кругом умножай на два. Значит, лесу этому далеко за полтинник, а в овраге стояла вполне современная «тойота камри». Природа, конечно, давно вступила в свои права. Салон местами был покрыт мхом, кузов проржавел, сквозь раскуроченный капот выглядывала макушкой молодая сосенка. На крыше была основательная вмятина, тоже заросшая мхом, посреди которого стоял круглобкий ярко-красный мухомор.

Жена подошла поближе, хотела сфотографировать его на память, но тут передняя дверца автомобиля со скрежетом открылась. Муж велел супруге стоять на месте, кликнул Фукса, и, крепче зажав нож, пошёл к автомобилю сам. Заглянул внутрь, ещё раз обошёл вокруг, попытался открыть багажник, но не обнаружил ничего подозрительного. Фукс между тем поначалу деловито пометил переднее колесо машины, а затем принялся её обнюхивать. Около багажника он стал сильнее, как-то глубоко и будто бы несколько недоволь-

но втягивать воздух, а затем громко залаял. Супруги переглянулись и не сговариваясь двинулись к багажнику, бросив свои вёдра и пакеты с грибами. Посовещавшись, решили вызывать полицию, вдруг там труп, или ещё чего похуже? Но сначала нужно открыть багажник самостоятельно, сломать, если так не получится. Может, там попросту белка устроила гнездо, и тогда полиция влепит штраф за ложный вызов.

На удивление, багажник сдался почти сразу, видимо, запорный механизм проржавел основательно. Муж заглянул внутрь и, издав удивлённый возглас, завис. Очевидно, трупа там не было, как не было и белки. Пока жена, отошедшая по нужде за сосенку, натягивала штаны и скакала скорее к супругу, Фукс времени не терял, а влетел в этот багажник с разбегу. Конечно, пёс же привык так ездить за много лет. Раздался ещё более удивлённый возглас. Супруга заглянула в багажник из-за мужниного плеча и тоже охнула в недоумении. Дело в том, что Фукса в багажнике не оказалось. Как не оказалось, впрочем, и вообще больше ничего. Или, точнее, там было сплошное ничего. Это ничего было осязаемым на вид и пахло пирожками и немного креозотом. Откуда-то изнутри, но словно бы издалека доносился приглушённый лай. Он звучал не испуганно и не зло, а скорее весело, как будто в игре. Жена позвала собаку, но, конечно, безрезультатно.

Муж сказал, что надо уходить, и бог с ним, с псом. Фукс,

конечно, был хорошим другом, и даже членом семьи, но погибать из-за него он совершенно точно не намерен. Жена, конечно, возмутилась, ведь вообще наплевать какой пёс — член семьи, но он же живое существо. Если есть возможность помочь ему, то необходимо использовать. Иначе как вообще можно спать по ночам, зная, что своими руками обрёк на смерть это самое живое существо? Супруг, конечно, был непреклонен, он-то твёрдо понимал, что дома трое детей, и погибнуть из-за пса, пусть и очень любимого, — это верх глупости. Жена, конечно, плакала и ругала мужа, называя его бессердечным и даже вообще живодёром. Конечно, супруг сдался в итоге. Не то, чтобы его трогали эти слова. Скорее, ему было жаль жену, такую беспомощную в своей доброте, всегда готовую броситься на амбразуры. Он вспомнил, как однажды пришёл с ночной смены и обнаружил на кухне ведро под плотной крышкой, вокруг которого изводилась кошка. Жена рассказала, что ночью Мурка поймала мышь, но не задушила, а стала с ней играть, сломав ей нечаянно лапу. И так гоняла её бедную по всей кухне. Мышь верещала ото боли и страха, но кошке разве знакомо сострадание к грызунам? Людям разве знакомо сострадание, например, к помидорам или козьему сыру? Жена сначала некоторое время ждала, что вот-вот наступит естественный финал, но кошка, видимо, хотела основательно поразвлечься. Конечно, мышь в итоге была отобрана и посажена в комфортное ведро с надёжной крышкой, с едой и водой, ждать утра.

Пришлось мужу вместо отдыха относить несчастного грызуна подальше от дома, где у него будет возможность хотя бы спрятаться от кошек. Никто другой бы не стал спасать мышей, которые портят еду, вещи и разносят заразу, а вот его жена — да. Вот и сейчас, она так сильно страдала из-за собаки, что супруг предпочёл сдаться.

А она, только услышала от мужа заветное «ну ладно», тут же бросилась к багажнику и... тоже исчезла. Исчезла как-то махом, не так, как показывают в фильмах порталы в другие миры. Просто: р-раз, и всё, и осталось только сплошное ничего. Муж был в отчаянии. Он думал: сейчас будет обсуждение кто пойдёт, по итогам которого, конечно, выберут его. Потом он сходит за тросом в багажник своей машины, крепко им обмотается, привяжет другой конец к дереву и аккуратно спустится в это ничто сам. Таков был план. Но супруга р-раз, и прыгнула туда сама. А ведь это была любимая жена. Единственная в мире. Та, которой прощаешь и бардак в комнате, и пересоленное мясо, и спасённых котов, и собак, и вообще всё на свете, лишь бы она не хмурилась. Только бы была рядом, только бы любила. Та, с которой хочется родить и воспитать детей, встретить старость, проводить ленивые вечера.

И тогда муж развернулся и пошёл прочь от этого места. Конечно, он направился исполнять план, а не сбежал, как

некоторые могли бы подумать. Муж дошёл до своего автомобиля быстрым шагом, взял из бардачка фонарик, проверил нож. На всякий случай добавил аптечку, вытащил из багажника трос. Подумав, присовокупил ещё верёвку и молоток: в крайнем случае можно дать врагу по кумполу. Да и просто пригодится. Хорошо, что летом не темнеет, ведь неизвестно, сколько всё это продлится. Назад он очень спешил, в душе была какая-то дикая надежда, что всё это ему просто привиделось, что жена с собакой остались отдохнуть, а его отправили за термосом с кофе. И он каким-то ужасным образом об этом позабыл, может, мухомором надышался или что-то подобное. Но нет, возле брошенной «тойоты» по-прежнему стояли вёдра, валялись полупустые пакеты с грибами, а сам автомобиль всё так же зиял открытым багажником. Ничего внутри не выглядело пугающим, подумалось мужу. Он привязал трос, выбрав сосну потолще. Несколько раз дёрнул, проверяя узел, затем обмотал второй конец верёвки вокруг себя. Его очень пугало предстоящее погружение в неведомую пустоту, но, как известно, смелость — это всего лишь умение наступить на горло своему страху. Может быть, он был и не самым отважным человеком на земле, однако выбирать не приходилось, ведь там была его жена. А значит, он просто обязан быть смелым сейчас. Муж занёс ногу, потом подумал: — ведь опереться вроде как не на что. Сел на край багажника, и, держась за ржавеющее железо боковин, перекинул обе ноги внутрь. Набрал воздуха в грудь, зажмурился

и прыгнул.

Полёта не было. Как будто бы он просто сразу стоял земле. Муж открыл глаза. Он находился посреди аккуратного большого частного двора. Слева была поленница с прямо-таки картинно сложенными дровами. Трос, обмотанный вокруг него, тянулся другим концом под навес и уходил прямо в бетонный пол. Чуть позади было крыльцо, ведущее в добротный дом, облицованный современной плиткой. За забором виднелся привычный северный лес, сосны да ели.

На крыльце возлежал довольный Фукс с огромной мозговой косточкой. Заметив хозяина, он лакомство тут же бросил и, высунув язык, стал радостно прыгать рядом. В доме что-то загремело, а затем на крыльце показалась приятная старушка. Она была одета в классические брюки и какую-то мелкокрапчатую блузку. На голове, кроме благородной седины, неведомым образом держалась кокетливая шляпка с веточками. Старушка, приветливо улыбаясь, приблизилась, принялась охать по поводу торчащего из бетона троса. Затем всё же помогла мужчине развязать узел и погнала срочно в дом пить чай, пока пирожки не остыли. На крыльце уже стояла улыбающаяся супруга, и всё сразу как-то стало правильно и понятно. Вот лес, вот дом в лесу, вот они в доме, пьют чай и держат друг друга за руку. Бабуля тем временем представилась Ядвигой Константиновной, поругалась на «старую про-

валину» — свой автомобиль. Когда супруга, засмеявшись, поправила: мол, не провалина, а развалина, бабушка парировала: мол, нет, именно что провалина и есть. Всё время проваливается в соседние измерения, и, хотя обычно проблем нет, но иногда всё-таки, притаскивает с собой вот таких вот случайных людей. Нет, гостям Ядвиги Константиновны очень рада, тем более что вот сегодня они попали как раз на пироги. А выпечка и правда была замечательная — и расстегаи с палтусом, и курники, и чудесные маленькие пирожки с капустой, картошкой, черникой. По словам Ядвиги Константиновны выходило, что «старая провалина» иногда хулиганит, так как она не просто транспорт, а одушевлённый магический артефакт. Вроде ступы, только кто в наше время на таком старье передвигается? Да и зачем? Дороги сейчас вообще везде есть, даже в деревнях. Добраться можно куда угодно, тем более что заговорённый транспорт в бензине не нуждается, едь да едь себе с ветерком. И климат-контроль, опять же, великое дело, не то что в ступах вечно на холоде. А потом радикулиты с остеохондрозами, бр-р-р.

Мужчина, конечно, заинтересовался техническими подробностями, но что старушка резво вскочила и повлекла его с собою во двор. Там поцокала языком, глядя на торчащий из бетонного пола трос, затем принялась кликать свой автомобиль. Звала она его будто домашнюю птицу или щенка, так: «куть-куть-куть». На удивление машина отозвалась и как-то

одномоментно появилась под навесом. Багажник был также открыт, из него торчал трос. Но вот сам автомобиль теперь выглядел очень ухоженным, хоть и не новым. Никакого мха в салоне, ржавчины и мухоморов. Бампер, правда, отсутствовал, и от этого у машины был вид потрёпанного в драке хулигана. И вообще, в целом «тойота» выглядела виноватой, как бы странно это ни звучало. Ядвига охнула и принялась журить свою «провалину», у которой был такой вид, какой обычно бывал у Фукса, когда тот набедокурит. Тем временем из дома пришла жена, сказала старушке, что пора бы и честь знать. Пойдёмте, мол, вы мне рецепт теста обещали, а потом домой отправить. Дети же там, кошку, опять же, кормить пора, ну и вообще негоже злоупотреблять гостеприимством.

Пока писали рецепт, пока Ядвига увязывала в дорогу пирожки, расстегаи, и ещё сахарные косточки для Фукса, и ещё баночку брусничного варенья, и ещё груздей солёных, и ещё каких-то гостинцев детям, начало темнеть. Это было странно, но муж решил уже ничему не удивляться. Назад думали возвращаться так же, через багажник, но Ядвига хмыкнула, засунулась внутрь по пояс, покопалась и вытащила трос. Затем оттуда же выудила оставленные пакеты и ведра с грибами. Цыкнула на машину, мол, я т-тебе, после чего багажник приобрёл вполне привычный вид. В него усадили Фукса и составили ведра, а всё остальное погрузили на заднее сиденье. Старушка закрыла дом, ещё раз погрозила машине, а

затем они тронулись в путь.

Нельзя сказать, что это была обычная поездка. Пейзажи за окном слились в единую серую массу, так быстро они мелькали. Свет за снаружи постоянно менялся, как будто прошло несколько дней и ночей, или даже лет. Но внутри автомобиля прошло всего около часа, когда Ядвига Константиновна сбавила скорость, а затем и затормозила ровно на том самом пяточке, куда утром супруги приехали, по левую руку стояла их машина. Старушка неопределённо хмыкнула, мол, долгие проводы — лишние слёзы, хлопнула багажником и была такова.

Муж и жена переглянулись. Фукс сыто разлёгся у ног, рядом стояли вёдра и пакеты, под завязку набитые отборными белыми грибами и груздями. В руке муж сжимал большую корзину с гостинцами. На часах было около полудня. Жена хмыкнула, точь-в-точь как Ядвига, мол, кому скажи — не поверят, и пошла к машине. Супруг хмыкнул ей в ответ, мол, и правда, не поверит ведь никто. Завёл автомобиль, и они поехали к отворотке, через насыпь, что находится не доезжая до моста, а затем прямо домой, к детям и кошке, которая иногда ловит мышей.

*красноголовик — местное название подосиновиков

Новогодняя загадка

Петрович почесал пузо. Опять наел жирочков за зиму. Вот так всегда, худеешь к лету, чтоб хоть люди на пляже в обморок не падали, а зимой, один фиг, назад прирастает. Хотя жена по этому поводу не ворчит: пусть лучше с пузом, а то, мол, знаем мы твоих «людей» на пляже. Все как один женского пола, и при этом загорелые и стройные.

Плюхнул кефир на полку, задумчиво уставился в недра холодильника. Опять натащила всяких окороков и колбас, а батареи банок с различными горошками и маслинами того и гляди обрушат кухонный шкаф под своим весом. Нет, вы не подумайте, пожрать Петрович любил, чего греха таить. Да и готовила супруга божественно, мужики в каптёрке всю жизнь с завистью поглядывают на тормозки, любовно собранные Машей. Согласитесь, фаршированный картофель с отбивными и слоёным салатом явно выигрывает на фоне пельменей и переваренных макарон с тушёной. А уж борщи какие — душу можно продать за эти борщи. А пирожками объедалась вся бригада, когда у супруги было настроение на выпечку.

Так что недовольство Петровича было совсем не про еду. Скорее, заключалось оно в памяти. Дело в том, что ни один

Новый год Петрович как-то не помнил. Вот сядут за стол около десяти вечера, проводить старый год по-уральски, у них как раз в два часа разница. Машины родители были с Урала, потому супруги всегда отмечали этот праздник в двойном размере. Шампанского выпьют бокал, салатов пару успеет попробовать Петрович, а потом всё, как пелена. Ничего в памяти не остаётся.

Сперва Петрович, грешным делом, думал, что это жена что-то подмешивает в еду, уж больно она таинственно улыбается поутру первого января. Только вот зачем? Сбежать куда? Загадка, ведь двадцать три года прожили. Проверять всячески за это время: пробовал не есть совсем ничего, мало ли там снотворное. Пробовал не пить ничего, кроме собственноручно купленного и открытого шампанского, налитого в собственноручно же помытый бокал. Потом пробовал вообще ничего не есть и не пить, а раз и совсем домой решил явиться после двенадцати — дескать, в лифте застрял.

Итог был неизменен. В половине одиннадцатого вечера Петровича вырубало намертво до следующего утра. Снились яркие сны про Крайний Север, где Петрович отродясь не бывал. Снились смешные зайцы в подштанниках, что крутили колесо времени. Снились белки, волокущие огромные красные мешки в какие-то невероятные сани. Снилось, будто аккуратная борода Петровича окладистыми волнами лежала

на груди, а сам Петрович будто едет в этих санях прямо по небу.

Про сны Петрович никому не рассказывал, да и про свою эту странную особенность вырубаться намертво каждый год тоже. Мужики ведь засмеют, не слабак же, от одного бокала валиться. Вот на свадьбе у дочери Петрович той шипучки три фуфыря ещё до начала торжества уговорил, а потом и водочкой зашлифовал. И до утра гудел ещё, наравне с молодыми. Конечно, не пил, как другие, чтоб каждые выходные. Но всё же иногда позволял себе и расслабиться, чекушечку беленькой с хрустящей квашеной капусткой под любимый фильм брал. Чувствовал себя после этого разве что весело, тепло. Но уж никак не лицом в салат. А тут загадка прямо.

* * *

Мария Николаевна завершала последние приготовления к Новому году. Стол уже ломился от закусок, нарезок, а в центре было освобождено место для горячего. Капусту не забыть, грибочки. Грибочки на зависть в этом году удались, сама собирала, шляпка к шляпке. Не стыдно будет угостить дорогих гостей. Итак, время без пятнадцати десять, пора и мужа за стол звать. А то уж скоро начнётся... нужно успеть с ним хоть бокал шампанского выпить в уходящем году. Не то чтоб Мария Николаевна была очень рада этой особенности

своего мужа, но относилась философски. Что уж тут поделывать. Так, значит, судьба распорядилась.

Ровно в десять часов бухнул залп открываемой бутылки, в бокалы заструился искрящийся праздник. Чокнулись, выпили. Петрович расцеловал супругу, поковырял вилкой салат и, неожиданно откинувшись в кресле, начал меняться. Животик приобрёл ещё более внушительные размеры, борода побелела и стала длиннее, гуще. Выросли такие же длинные белые усы, а одежда как-то незаметно сменилась на красную шубу, валенки и шапку, отороченную белым песцовым мехом.

В дверь затарабанили, и Мария Николаевна подхватилась, поставив бокал. На пороге переминались с ноги на ногу старые знакомцы — несколько зайцев, белок и юная девушка с жёлтой косой по пояс.

Впустив гостей, Мария Николаевна, не слушая возражений, протащила их к столу — зайцам капустку, белкам грибы и ореховый торт, Снегурочке салат и немного шампанского, да гранатовый сок, а то вон какая бледная. Чем-то напоминает их с Петровичем дочку, такая же хрупкая. Так и хочется о ней заботиться.

Пока гости ели, очнулся хозяин. Чуть изменившимся го-

лосом поприветствовал помощников, спросил, готовы ли сани, подарки? Пожурил, что плохо кушают, уточнил, приготовили ли списки детей.

А затем обнял супругу и был таков.

Мария Николаевна, как обычно, проводила взглядом из окна улетающие в небо сани, вздохнула. Грустно одной в праздник-то, с телевизором. Ну да делать нечего, коли твой муж — Дед Мороз.

Лавка мистера Джонаса

«Хлам, барахло?

Нет, сэр, не хлам.

Хлам, барахло?

Нет, мэм, не хлам!

Спицы, булавки, иголки,

Тряпки, обломки, осколки,

Пустяжки, побрякушки,

Вещички-старушки —

Все возьму в барахолку

Ради пользы и толку!

Ясно ли вам?

Это не хлам!»

«Вино из одуванчиков», Рэй Брэдбери

— Знаете, сэр, говорят, раньше мистер Джонас был старьевщиком. Он ездил по городкам под своим тыквенного цвета зонтом, и в его фургоне можно было найти удивительнейшие вещи. К примеру, однажды он спас одного мальчишку от сильного жара, привезя ему настоящий ветер с вершины Альп. Говорят, он всегда появлялся только тогда, когда был необходим, и каждый улыбался, едва заслышав колокольчики, висящие над фургоном. И кто угодно мог найти в этой повозке именно то, что ему было нужно. Говорят, так случалось потому, что он путешествовал между мирами и временами, и оттуда мог слышать душу каждого. То, чего

ей больше всего нужно, понимаете?

Я не знаю, насколько это правда, но я видел в лавке похожего цвета зонт, и даже покупал как-то прелюбопытную штуку — одуванчиковое вино. Джонас не стал продавать его мне, а просто выменял. Он взял пирог, что печёт моя жена, такой, знаете, с яблоками и корицей, и хрустящей крошкой сверху. И ещё старые погремушки нашей дочери, она уже выросла и давно уехала. Спасибо, сэр, у неё всё в порядке, она работает доктором в Нью-Йорке. Кому нужен этот хлам? Мы как раз хотели их выкинуть, перебирали вещи, знаете, чтобы поделить поровну. В тот год мы собирались разводиться, наверное, осточертели друг другу за столько-то лет.

Так вот, этот мистер Джонас, он то вино будто микстуру мне продавал. Сказал, нужно пить его не из бокала, нет. Непременно надо наливать в столовую ложку, на закате, чтобы было видно уходящее солнце. Нужно выпить его, закрыв глаза, чтобы летняя сладость наполнила весь рот, до кончика языка. Хорошо бы немного постоять и послушать пение цикад, и лишь затем идти в кровать, так сказал Джонас. Знаете, сэр, не могу утверждать, в вине ли дело, или просто мы с женой два старых дураля, что хотели разводиться. Но только после этого вина я до чёрточки вспомнил лицо жены, когда мы познакомились. Как она смеялась, запрокинув голову, и как сверкали её зубки, и жилка на шее билась так, что можно

было душу продать за такие моменты. Она ведь и сейчас так смеётся, а я перестал замечать.

Потом я вспомнил тот день, когда мы поженились. Было такое, знаете, знойное лето, и цикады пели вот как сейчас, и пахло скошенной травой ужасно сильно. И небо было такое глубокое и тёмное, что, казалось, в него можно провалиться, как в бездонный колодец. Моя жена была самой красивой женщиной в мире тем летом. В другой раз я вспомнил, когда родилась наша дочь, это было промозглым осенним днём, и, знаете, тогда свершилось чудо, не иначе. Когда мне позвонил доктор, и поздравил с рождением дочери, я увидел в окне, что солнце вдруг вышло из-за туч и осветило все деревья вокруг. Как янтарь, вот на что это было похоже — осеннее солнце и жёлтые листья... Остальное вино мы выпили с женой вместе, и уже не смогли развестись.

Так вот что я думаю, сэр. Мне совсем неинтересно, правду ли болтают про мистера Джонаса, но если вам нужно что-то особенное, уж будьте уверены — он именно тот, кого вы ищете, — бакалейщик немного пожевал губами, разглядывая меня.

Не знаю, на что я рассчитывал, придя в это место. После разговора с мистером Эндрюсом во мне родилась дикая, нелепая надежда... Не знаю на что. На машину времени?

Воскрешение Джоан? Полное забвение? Что могло бы меня утешить, я и сам не понимал.

В таких размышлениях я добрёл до узкого переулочка в конце улицы, свернул, и почти сразу же оказался перед выдавшейся красной дверью.

Я толкнул её, звякнув колокольчиком, и вошёл в помещение, которое, говоря по правде, больше напоминало лавку старьевщика, чем антикварный магазин. На полках отчётливо виднелась пыль, многие вещи были уложены небрежно, даже неаккуратно. Как будто хозяин бросил их ненадолго, а потом забыл. Виднелись и явно дорогие вещицы вроде антикварных часов с боем и дверцами, за которыми, очевидно, пряталась балерина или солдатик, а может, семейство бюргеров. Трость, стоящая в углу, была явно чёрного дерева, и резной узор был ручной работы, к тому же цены добавлял набалдашник, инкрустированный камнями. На полках виднелось много книг, а на столе располагалась пишущая машинка, кажется, «Ремингтон». Однако, рядом валялись какие-то поломанные игрушки, в углу стояла пара потрёпанных теннисных туфель, а стеллаж справа занимала огромная коллекция пустых бутылок всех цветов и форм.

На звук колокольчика откуда-то из недр пыльных стеллажей появился седой старик с добрыми глазами, в широкополой шляпе и линялых джинсах. Судя по всему, это и был

старьёвщик.

— Здравствуйте, мистер Джонас — сказал я после небольшой заминки — вас мне порекомендовал мистер Эндрюс, что живёт на соседней улице, знаете? Он сказал, у вас есть всё, что больше всего нужно человеку... Сомневаюсь, правда ли это, но мой случай не совсем обычный...

— Обождите-ка, сэр — прервал меня Джонас, не проявив ни капли интереса к моему рассказу. — Обождите. Я так понимаю, разговор нам предстоит небыстрый, так не лучше ли нам продолжить его за чашечкой кофе? Как раз сейчас у меня вскипела вода, а кофе я привёз из самого сердца Бразилии. Я собирал некоторые из этих зёрен своими руками, так что уж за качество я вам ручаюсь головой.

Не знаю, как я поддался на его уговоры, но уже через несколько минут я обнаружил себя сидящим в уютном кресле-качалке рядом со стариком на крыльце заднего двора. В руке у меня была исходящая невероятным ароматом огромная кружка, доверху полная чернейшего кофе. Он не обманул, напиток действительно дал бы сто очков вперёд любому кофехаусу. Старик слушал меня внимательно, не перебивая, когда я рассказывал ему о моей Джоан, о её беспощадной болезни, и о том, как она хотела жить, и как многое не успела. О том, как осиротел наш дом, и некому стало поливать петунии, и уши у пса стали совсем печальными. И о том, что

я не знаю, зачем пришёл и на что надеялся — ведь, в конце концов, не бывает машины времени, а даже если бы и была, то что бы я смог изменить?

Когда я, наконец, замолчал, старик некоторое время качался в кресле, потягивая изрядно остывший кофе и дымя трубкой. Затем медленно сказал:

— Машина времени... Знаете, я видел настоящую машину времени, и она могла вернуть вас в любой день. И эти дни все были счастливыми. К примеру, она могла перенести вас на завтрак в Париж, когда только открыли всемирную выставку. Или подарить вам зимний вечер в Альпах, или знойный день в Мексике... А после путешествия на губах всегда оставался вкус лимонного мороженого. Ещё я видел машину счастья, и каждый, кто пользовался ею, был невероятно счастлив, пока находился в ней. Но затем плакал от горя, что счастье осталось внутри машины, и в конце концов создатель сжёг её на заднем дворе. Я видел невероятнейшее лекарство от всех недугов, из которых самый страшный — тоска. К сожалению, последнюю бутылку я растратил, но я не жалею, нет, сэр. Этот ребёнок, Дуг, он вырос и создал удивительнейшие миры, и чудесные города, и прекрасных людей, так что лекарство пошло впровод, я думаю.

А воскрешать людей, знаете ли, это плохая затея, сэр. Я поделился этим рецептом с одним писателем, и он чуть не

наделал беды, воскрешая животных, и даже людей, но всё хорошо закончилось, потому что я оказался поблизости. Воспоминания же в вашем случае, сэр, не самая лучшая затея, ведь вы ещё слишком тоскуете, вот такой у вас непростой букет. Если я дам вам бутылку чудесного золотого вина для воспоминаний, вы всё время будете думать только о том, как хорошо вам было с Джоан, и как плохо стало без неё, понимаете, сэр? Поэтому я хочу предложить вам нечто совсем другое. Скажите, когда последний раз вы бегали, сэр? Наверняка когда были ещё мальчишкой, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.